

МОИ ПОЛИЦЕЙСКИЙ

Речной дозор

АННА СОРОКА

СОНЯ МИРОНОВА

Соня Миронова

Мой полицейский. Речной дозор

«Автор»

«Автор»

2026

Миронова С.

Мой полицейский. Речной дозор / С. Миронова — «Автор»,
«Автор», 2026

Я пеку хлеб и вожу его в островные сёла на своей «Ласточке». Но однажды нахожу за обшивкой баржи тайник с браконьерской икрой. Отказываюсь работать на речную мафию — и оказываюсь в шторме с перебитым рулевым тросом. Впереди скалы. Позади бандиты. А с патрульного катера на мою палубу прыгает Виктор Буров, старший лейтенант речной полиции. Он умеет укрощать Волгу, держать слово и целовать так, что я забываю, как дышать. Рядом с ним впервые хочется не бороться одной, а довериться. Только хозяин браконьерского синдиката не прощает непокорности. Под ударом мой дом, дело и мужчина, который заслонил меня собой. Я не отдам им ни «Ласточку», ни его.

© Миронова С., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 01	6
Глава 02	10
Глава 03	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Анна Сорока

Мой полицейский. Речной дозор

Мой полицейский. Речной дозор

Анна Сорока и Соня Миронова

Глава 01

Августовский зной над Затонской пристанью к вечеру не спал, а сгустился в липкую, тяжелую духоту. Волга замерла — темная свинцовая гладь лениво подрагивала под причальными сваями, предчувствуя грозу. На барометре в моей каюте стрелка падала к штормовой отметке, но в островном селе Васильки третий день ждали очередного хлебного рейса: после аварии почтового катера пятьсот человек сидели отрезанными от большой земли.

Я перетащила к расстоечному отсеку пекарни пятидесятикилограммовый мешок отборной муки. Холщовый фартук на груди взмок, руки в мучной пыли привычно ныли. «Ласточка» была не просто переоборудованной самоходной баржей — это был мой дом, моя свобода и единственное дело, в которое я вложила всю душу.

Поправляя брезентовый полог, я внезапно замерла. Из вентиляционного короба за фанерной обшивкой фальшборта потянуло чужим, резким запахом. Не сухим духом зерна и теплой опары, а болотной тиной, морозильной солью и маслянистой рыбой.

Сердце кольнуло тревогой. Я сбросила рукавицы, достала из ящика кованую монтировку и загнала ее клык под край рейки. Гвозди взвизгнули, расщепленная фанера отошла. За переборкой, между шпангоутами, аккуратными рядами стояли шесть тяжелых армейских термоконтейнеров, стянутых ремнями.

Я сорвала защелку первого короба. Внутри, в сизом крошеном льду, тускло блеснули запаянные жестяные банки без наклеек. На каждой стоял несмываемый штамп: осетровая черная икра высшей категории, свежий забой. Браконьерский схрон синдиката Багрова. Мою мирную пекарню превратили в воровскую баржу-контрабандистку, прикрывшись рейсом на Васильки.

В висках застучало. Если с этим грузом меня перехватит полиция — это десять лет колонии, а «Ласточку» пустят на слом.

Я бросилась к судовому селектору на переборке, чтобы вызвать диспетчера порта. Сняла карболитовую трубку — мертвая пустота. Ни гудка, ни треска. Сдернув крышку распределительного щитка, я похолодела: бронированный кабель связи был аккуратно перекушен клещами со свежей машинной смазкой. Саботаж устроили прямо на причале, пока я подписывала накладные на муку.

Оставалось одно: своими руками вышвырнуть контейнеры через погрузочный люк в воду под причал, а затем уходить. Я потянула первый ящик за ручку, но сверху, со сходней, донесся тяжелый топот кованых сапог, лязг затвора и прокуренный смешок.

Бежать было некуда. Захлопнув люк, я сунула монтировку под широкий пояс фартука и поднялась по трапу.

На корме стояли трое. Впереди ухмылялся бригадир браконьеров Щука — сухопарый бандит в кожанке с глубоким синим шрамом через щеку. За его спиной переминались двое подручных в камуфляже.

— Здорово, хозяйюшка, — протянул Щука, сплевывая шелуху подсолнуха на мои чистые доски. — Спешишь? Муку погрузила? Маршрут меняется, Красина. Пойдешь не к Василькам, а к заброшенным складам рыбозавода у Чертова яра. Там груз снимут, тебе отстегнут десять пачек. На новый дизель хватит.

— С дороги уйди, Щука, — твердо сказала я, глядя ему в глаза. — Воровской икрой не торгую и судно под вашу уголовщину не подставляю. Убирайтесь с баржи, пока сирену тревоги не включила.

Щука шагнул вперед, щелкнув лезвием выкидного ножа:

— Ты, баба, берега не путай. Багров эту реку держит. Будешь артачиться — саму наматываем на винты в Чертовом яру, а посудину пустим на дно!

Он выбросил руку, пытаясь схватить меня за плечо. Острие распорол брезент фартука.

Я не стала пятиться. Выхватив с пожарного щита тяжелый кочегарный топор, я одним звенящим ударом перерубила натянутый швартов у кнехта! Канат хлестнул бандита по ногам, а второй рукой я рванула аварийный кран продувки парового котла.

С оглушительным ревом струя кипятка и пара ударила Щуке в грудь и лицо. Он взвыл, выронил нож и, ослепленный, оскальзываясь на мокрых сходнях, с плеском рухнул с борта в жирную прибрежную тину между сваями пирса.

— Держи баржу! — заорал второй громила.

С пирса на кормовой леер метнули четырехлапую абордажную кошку. Стальные крючья впились в брус, канат натянулся, креня корму к сваям. Перевесившись через фальшборт над кипящей водой, я длинным багром поддела лапу кошки и всем весом выбила ее в реку.

«Ласточка» освободилась и плавно выдвинула нос на стремнину. Путь назад был отрезан.

Я вбежала в рулевую рубку, заперла бронированную дверь на засов и выжала газ. Но едва я крутанула штурвал вправо, колесо пошло с пугающей, пустой легкостью.

Заглянув в шахту под смотровой люк, я обомлела: стальной штуртрос был глубоко подпилен ножовкой и держался всего на двух тонких волосках. «Ласточка» входила в пятибалльный шторм без руля.

* * *

Гроза обрушилась внезапно, словно треснуло свинцовое брюхо туч. Шквал силой более двадцати метров в секунду превратил гладь реки в ревущее месиво седой пены. Первые же косые струи ливня захлестнули лобовые стекла рубки, смывая очертания берегов.

Баржу тяжело трянуло. Накативший с левого борта гребень с грохотом сорвал носовой тент и выплеснул на палубу тонны ледяной воды. Корпус застонал, зарываясь носом в пучину.

Я вцепилась в штурвал, пытаясь встретить следующий вал носом, но из люка донесся сухой визгливый звон. Перетертые жилы штуртроса лопнули — разорванный трос со свистом хлестнул по переборке, высекая искры, и штурвал бешено завертелся в моих руках вхолостую.

Я сбросила газ: без руля полный ход только быстрее вынес бы нас на камни. Течение подхватило тяжелый корпус, разворачивая его бортом к бурунам. Очередной удар швырнул меня на переборку, выбив дыхание. Баржа опасно накренилась.

Оставался электрический сервопривод баллера руля. Я бросилась к аварийному пульту и вдавила красную кнопку. Раздался треск, из-под кожуха повалил сизый дым, автомат выбило снопом искр. Защитную крышку сорвало оборванным тросом, плату залило водой и сожгло. Электроника была мертва.

Впереди, сквозь стену дождя и вспышки молний, встали черные гранитные утесы Чертова яра. Бешеное течение несло баржу прямо на каменные клыки. До удара оставалось меньше двух минут.

Схватив из пожарного щита стальной полутораметровый лом, я распахнула дверь рубки и шагнула в ревущий водяной ад. Ветер сбивал с ног, ледяные струи секли лицо. Держась за фальшборт, я проползла на кормовую площадку к сектору механического румпеля.

Кованый стальной сектор руля болтался из стороны в сторону, разбивая упоры. Я подгадала момент, сдирая кожу на ладонях, и вогнала лом в проушину румпеля. Уперевшись сапогами в комингс, навалилась на рычаг всем весом. Чудовищная сила набегающей волны рванула лом обратно; кованая сталь ударила меня в ключицу, острая боль пронзила плечо. Сил одной женщины было ничтожно мало против свирепой реки.

Очередной вал перекатился через транец, накрыв меня ледяной волной. Пальцы свело судорогой, лом выбило из рук, и он улетел за борт. Гранитные клыки утеса выросли всего в сорока метрах. Громовой грохот прибоя о скалы заглушал все вокруг. Гибель была неизбежна.

Сцепив зубы, я метнулась к сигнальному ящику у надстройки. Откинула защелку, выхватила тяжелую ракетницу, вогнала алый патрон и вскинула руку в черное небо.

Тяжелая отдача толкнула в плечо. С шипением и ревом ослепительная алая комета взмыла в тучи, разбрасывая рубиновые искры. Сигнал бедствия озарил кипящую пену вокруг и мокрые скалы.

Я стояла у леера, задыхаясь. И вдруг сквозь вой бури пробился низкий, форсированный бас судового дизеля. Из водяной завесы, взрезая волны острым бронированным форштевнем, на скорости под тридцать узлов вылетел катер речной полиции «Амур». На крыше хищно поблескивали синие проблесковые огни, а у штурвала виднелась широкоплечая фигура в штормовом плаще. Старлей Виктор Буров.

В этот миг боковой гребень ударил «Ласточку» под скулу. Палуба ушла из-под ног, меня швырнуло на фальшборт, стойка леера с хрустом погнулась, и я повисла над кипящим водоворотом, удерживаясь лишь содранными в кровь пальцами.

* * *

«Амур» летел наперерез, зарываясь носом в пену. Буров выскочил на носовую площадку с пневматическим линометом. Хлопок сжатого воздуха — капроновый линь перелетел мой борт, увлекая тяжелый швартов. Но шквал сбил траекторию: канат захлестнул острую лапу якоря, натянулся струной и под весом двух судов мгновенно лопнул.

Буксировка сорвалась. До гранитных рифов оставалось меньше тридцати метров. Если Буров отвернет — он спасет свой катер, но моя баржа через пятнадцать секунд разобьется в щепки.

Он не отвернул. Взревели на пределе дизели «Амура». Виктор бросил катер в жесткое скользкое сближение, подставляя усиленный стальной привальный брус под удар моего борта. Это был рискованный, ювелирный маневр аса волжских фарватеров. Сбросив ход, Виктор успел набросить короткие концы на наши кнехты: теперь катер держался у борта, а его кранцы принимали удары.

Сталь скрежетнула о дерево с визгом циркулярной пилы. На секунду между бортами разверзлась двухметровая пропасть кипящей черноты. И в этот миг Буров, оттолкнувшись от релинга катера, в мощном прыжке перемахнул бездну и приземлился на палубу «Ласточки».

Но погнутая стойка леера, за которую я держалась, не выдержала толчка. Металл лопнул. Мои пальцы сорвались, и меня смыло за борт, прямо в ледяную ревущую реку!

Ледяная вода обожгла тело, сжав грудь железным обручем. Волна потянула меня вниз, под днище, к засасывающим лопастям винта.

Вдруг сквозь толщу воды сверху ворвалась рука. Виктор перегнулся через фальшборт, пренебрегая смертельным риском, мертвой хваткой вцепился в брезентовый пояс моего комбинезона и мощным рывком выдернул меня из пучины на палубу!

Я ударилась о комингс, закашлялась, выплевывая горькую воду. Сильные руки прижали меня к широкой груди. Сквозь мокрый китель я почувствовала бешено бьющееся сердце Букова и запах пороха, оружейной смазки и речного шторма.

— Держись за меня! — проревел он мне в самое ухо. — Баржу несет на камни!

«Ласточка» летела боком на подводную гряду — перо руля беспомощно било о стопоры. Даже силы Виктора, навалившегося на румпель, едва хватало, чтобы сдвинуть лопасть против бешеного напора воды.

Преодолевая боль в ушибленном плече, я вскочила. Метнулась к кормовому рундуку, выхватила бухту крепкого манильского швартова, зубами и сведенными пальцами завязала

морскую затяжную петлю и набросила ее на рычаг румпеля. Заведя ходовой конец за чугунный кнехт, я закричала:

— Дави вправо, Виктор! Я держу упор!

Буров с яростным рыком навалился на румпель плечом, а я изо всех сил выбрала слабину и зафиксировала канат восьмеркой. Перо руля повернулось! Баржа вздрогнула и заложила поворот, буквально в пяти метрах обогнув торчащий из пены гранитный клык Чертова яра.

Я успела коротко дать газ, пока Виктор удерживал румпель. Поток вынес нас на широкую песчаную косу Кривой Косы. Днище «Ласточки» с мягким шипящим шелестом врезалось в глубокий илистый песок. Судно зарылось форштевнем в отмель и намертво замерло, укрытое от бури высокой песчаной грядой.

Буря осталась снаружи. На палубе воцарилась оглушительная тишина.

Мои ноги подкосились. Ледяной шок и пережитый страх накрыли меня; зубы выбивали дробь, я стала оседать на мокрые доски. Но Виктор легко, словно пушинку, подхватил меня на руки и понес в жилой кубрик баржи.

Он ногой распахнул дверь, внес меня в сухое тепло, бережно опустил на койку и жесткими пальцами начал расстегивать пуговицы моего промокшего комбинезона.

— Ты жива, Оля, — хрипло произнес он, глядя мне в глаза темным, горячим взглядом. — Слышишь? Жива. Теперь я держу штурвал. Никому тебя в обиду не дам.

Я смотрела на его мокрое лицо, на резкую складку меж бровей, на широкие плечи, заслонявшие дверной проем, и впервые в жизни почувствовала за спиной несокрушимую мужскую стену.

Глава 02

Тепло кубрика возвращало силы. Я переоделась за ситцевой занавеской в сухие фланелевые штаны и старый вязанный свитер. Дрожь утихла, но тревога не отпускала.

Выглянув в иллюминатор правого борта, я похолодела. На дальнем мысу Кривой Косы, у входа в нашу заводь, бешено мигал белый огонь. Это был старый плавучий бакен № 42, сорванный штормом и прибитый к отмели. Его луч каждые три секунды озарял темную воду и борт «Ласточки».

— Виктор, смотри, — позвала я. — Бакен сорвало. Если браконьеры Багрова вышлют катера, они увидят нас за пять километров.

Буров подошел, глядя в ночь. От него веяло жаром сильного мужского тела.

— Надо гасить, — коротко бросил он, натягивая резиновые бродни. — Сиди здесь, хозяйка. В каюте тепло. На воде ночью команду я.

— Нет уж, старлей, — я решительно затянула ремень брезентового плаща и сняла со стены тяжелый судовой прожектор «Ласточки». — Там ил по пояс и топляки. Пойдешь вслепую — шею свернешь. Я встану на кормовом фальшборте и буду держать световой сектор. На реке в одиночку не геройствуют.

Он посмотрел на меня с прищуром, в котором блеснуло искреннее уважение:

— Ладно, штурман. Держи луч в створ.

Он сошел по кормовому трапу в ледяную речную жижу. Вода доходила ему до пояса, течение сбивало с ног, но Виктор шагнул упрямо, рассекая волны широкой грудью.

Я встала у кормового фальшборта и включила прожектор. Ослепительно белый луч рассек мглу, очертив фигуру Букова и ржавую тумбу бакена.

— Свети на оголовок! — крикнул Виктор.

Я навела световое пятно на оптический блок. И тут в ярком луче проступили страшные следы: стальной кожух фонаря был пробит, а толстая граненая линза расколота вдребезги.

Виктор провел пальцем по пробоине и поднял что-то к лучу:

— Картечь! Двенадцатый калибр, усиленный заряд! — крикнул он. — Его расстреляли в упор с борта! Специально фарватер гасили перед проходом своего каравана!

Это была умышленная диверсия: Багров готовил прорыв ночного каравана, намеренно ослепляя реку.

— Не гаси насовсем! — крикнул Буров.

Он достал из кармана запасной рубиновый светофильтр и винтовой хомут. Ловко обжав уцелевшую часть патрона красным стеклом, он развернул отражатель не на плес, а строго на каменные пороги Чертова яра. Теперь бакен горел зловещим алым огнем, предупреждая о подводной гряде и оставляя нашу заводь в темноте. Виктор по рации передал диспетчеру, что огонь сорван с места и проход у косы опасен.

Повернув обратно к барже, Виктор заметил темную тень в тальнике. Я перевела луч следом за его рукой.

В зарослях ивняка покачивалась старая смоленая плоскодонка. Виктор выхватил пистолет, заслоняя меня корпусом:

— Тихо! Вдруг засада...

Мы замерли. Ни звука. Виктор шагнул к лодке, заглянул внутрь и облегченно усмехнулся:

— Пусто. Брошенка, сорвало в прошлую бурю. Но глянь, что внутри!

Я прыгнула на песчаную отмель. На сухом дне лодки, под прорезиненным чехлом, стоял тяжелый танковый аккумулятор на двадцать четыре вольта с целыми клеммами. А рядом лежала нетронутая сорокаметровая бухта гибкого, просмоленного капронового линя в палец толщиной!

— Штуртрос! — ахнула я. — Прочный такелажный линь! Мы заведем его напрямую от штурвального сектора к румпелю в обход заклинивших роликов и вручную свяжем перо со штурвалом!

— Сама река помогает, — улыбнулся он. — Взяли!

Вдвоем мы ухватились за планшири лодки и вытащили ее из ивняка на свободную воду, чтобы подвести находку к барже.

На обратном пути, поднимаясь по глинистому откосу к сходням, я оступилась. Нога поехала в вязкую тину, и я тихо вскрикнула, теряя равновесие.

Буров среагировал мгновенно. Сильная рука перехватила меня за талию, вторая подхватила под колени. Он поднял меня на руки легко, без малейшего усилия.

Я замерла. Мое лицо оказалось в сантиметрах от его лица. В полумраке его серые глаза казались почти черными, а горячее дыхание обжигало мою щеку. Я чувствовала ладонями стальные мышцы его плеч и то, как сильно стучит его сердце. Сладкая волна смущения и трепетной слабости прокатилась по телу.

— Осторожнее, хозяйюшка, — негромко, чуть хрипло сказал он, не опуская меня. — Ты мне целая нужна.

Он донес меня до самого трапа, поставил на сухие доски и лишь тогда нехотя разжал руки.

Мы привязали чалку плоскодонки под кормой «Ласточки» и замаскировали борта гибкими ветвями плакучих ив. Баржа стала абсолютно невидимой с воды.

* * *

К полуночи шторм утих, превратившись в тихий шорох дождя. Над застывшей заводью поднялся густой туман.

Виктор зажег керосиновую лампу и спустился в трюм к тайнику. Я шла следом. Страх снова сжал грудь: у Багрова были связи в Затоне. Что помешает ему объявить меня соучастницей контрабанды? Скажут, что Красина сама везла икру. Кто поверит одинокой женщине против бандитов?

Я остановилась у трапа, сжимая пальцы:

— Виктор... В поселке меня арестуют? Скажут, что я возила икру для Багрова? У меня отнимут «Ласточку»... А без нее я никто.

Буров поставил лампу, выпрямился во весь рост и посмотрел на меня. В его взгляде была лишь глубокая нежность и офицерская твердость.

— Ты с ума сошла, Оля? — тихо произнес он. — Ты одна вышла против банды Шуки. Ты спасла судно, муку для людей и не испугалась ножа. Я старший лейтенант полиции Буров. Пока я дышу, никто не посмеет бросить в тебя косой взгляд. Я за тебя перед любым трибуналом встану.

Он поднялся на борт своего «Амура» и вернулся с папкой из плотного дерматина. Сев за стол в моей каюте, разложил гербовые бланки процессуальных протоколов МВД России.

— Оформляем добровольное заявление и акт изъятия, — сказал он, обмакивая перо в чернила. — Гражданка Красина Ольга Николаевна лично пресекла незаконную транспортировку биоресурсов особо ценных пород, оказала активное сопротивление вооруженным преступникам и вскрыла схрон. Ты у меня пойдешь главной героиней операции.

Его рука уверенно выводила четкие буквы. Я смотрела на его профиль, и тяжелый камень страха наконец растаял.

— Пойдем, вскроем пломбы для описи, — позвал он.

Мы спустились к ящикам. Виктор охотничьим ножом осторожно зачистил толстую свинцовую пломбу на верхнем контейнере. В свете лампы проступил рельефный личный штамп — буква «Б» в окружении двух осетров и сегодняшняя дата. Личный вензель Артура Багрова.

— Попался, волк, — глухо усмехнулся Виктор. — Личное клеймо главаря. С этой пломбой я закрою всю его шайку на пятнадцать лет строгого режима.

В рубке «Амура» с треском ожила радиостанция дальней связи:

— «Волга-12», ответь базе! Буров, срочно доложи обстановку! В отдел поступило заявление от Щукина: утверждает, что ты самовольно захватил баржу с государственным хлебом и скрылся! Приказ: немедленно вернуться к причалу Затона для сдачи оружия!

Щука опередил нас — обожженный бандит прибежал строчить донос, пытаясь связать Виктору руки начальством.

Виктор поднялся в рубку катера, снял тангенту и ледяным тоном произнес в эфир:

— База, я «Волга-12». Нахожусь на закрытой позиции в районе Кривой Косы. Зафиксирован факт вооруженного нападения и контрабанды в особо крупном размере. Работаю по оперативному плану захвата бандгруппы. До рассвета связь прекращаю.

Он щелкнул тумблером, обесточил радиостанцию, выдернул силовой штекер и вернулся в каюту. Он сжег мосты, поставив на кон погоны и карьеру — ради того, чтобы остаться и закрыть меня от удара.

Я поставила на керосинку медный чайник, всыпала в кружку горсть сушеной мяты со смородиной и заварила крутой кипяток. Ароматный пар наполнил каюту уютом.

— Выпей, Виктор. Согрейся, — протянула я кружку.

Буров поставил ее на стол, расстегнул пуговицы своего запасного сухого овчинного бушлата и мягким движением набросил его мне на плечи.

Тяжелая теплая овчина окутала меня с головой. Бушлат пах ветром, чистым порохом, терпким табаком и речной мятой. Меня накрыло надежной броней, сквозь которую не просочится ни одна беда.

— Спасибо... — прошептала я.

Виктор достал пистолет Макарова, проверил ход затвора, положил оружие на колени и сел на рундук у входа, привалившись спиной к закрытой двери. Он перекрыл собой вход в каюту.

— Я караулю до утра, Оленька, — тихо произнес он. — Ложись и спи. Ни одна тварь не подойдет к твоему порогу, пока я жив.

Я попыталась возразить:

— Виктор, ты же сам без сил... Тебе прилечь надо...

Он накрыл мою ладонь своей широкой теплой рукой, мягко сжав пальцы и заставляя замолчать. От этого прикосновения по телу разлилась сладкая истома.

Я легла на узкую койку, подоткнула под щеку край теплого овчинного воротника и закрыла глаза. За окном шелестел предрассветный дождь, в печурке потрескивали угли, а на пороге сидел мужчина, заслонивший меня от гибели.

Сквозь сон я слышала его негромкий бархатный шепот:

— Спи, хозяйка. С первыми лучами нырну под винт, поправим руль, заведем штуртрос и затопим печь. Хлеб будет вовремя...

Я провалилась в глубокий сон, зная, что утро начнется с борьбы, но теперь мы вели ее вдвоем.

Глава 03

Холодный белесый пар стелился над неподвижной гладью заводи Кривой Косы. Я стояла у кормового транца «Ласточки», прижимая к груди полы сухого овчинного бушлата Виктора. Рассвет только зарождался: узкая бледно-розовая полоса прорезала сизый туман над левым берегом, окрашивая прибрежные камыши в цвет потускневшей меди. В воздухе пахло свежей речной водой, сырым песком и остывшим машинным железом.

Виктор спустился на кормовую площадку, затягивая ремни неопреновой маски. На нем был легкий водолазный свитер и штормовые брюки.

— Виктор, подожди, — я схватила его за рукав, глядя на бурлящую стремнину буквально в полуметре от нашего борта. — Там ледяная вода, градусов десять, не больше. И течение с ног собьет, под баржу затянет!

Он мягко накрыл мои пальцы своей широкой горячей ладонью, заставляя отпустить ткань:

— Не бойся, хозяйка. Быстро гляну перо руля и наверх. Сиди на палубе, страхуй конец. Он скользнул за борт без единого лишнего всплеска, сразу уйдя под кормовой подзор.

Секунды потянулись томительно долго. Я чувствовала рывки страховочного конца и выбирала слабинку. Казалось, прошла целая вечность, хотя стрелка часов едва успела обежать круг... Пузыри воздуха на маслянистой поверхности заводи растаяли. Сердце сжалось от ледяного страха. Я перегнулась через фальшборт, сжимая в побелевших пальцах пожарный багор, готовая нырнуть следом за ним со спасательным кругом.

И тут у левого борта с шумным плеском взметнулся фонтан брызг! Буров вынырнул, шумно отдуваясь и тряхнув мокрой головой. В его руке победно блеснул кривой стальной обломок с зазубренным жалом.

— Смотри, что нашупал! — крикнул он, поднимая тяжелый браконьерский кованый крюк. — В аккурат у упора руля был забит. Били кувалдой, нарочно, чтобы на скорости заклинить. Пока ты боролась с румпелем, крюк согнуло, а при посадке на косу его окончательно зажало.

Он попробовал повернуть перо руками прямо в воде, уперевшись ногами в песчаный грунт. Металл скрипнул, но остался неподвижен.

— Баллер цел, — выдохнул Буров, цепляясь за трап. — Но перо погнуло градусов на двадцать, зажало в обойме. Голыми руками не разогнуть. Нужна силовая вытяжка лебедкой «Амура».

Он поднялся на палубу — огромный, с посиневшими от холода губами, крупная дрожь сотрясала его широкие плечи. Виктор попытался отмахнуться, мол, на заставе и не такое бывало, но я решительно накинула ему на спину толстое шерстяное одеяло и поднесла к губам глиняную кружку с кипящим взваром смородинового листа и дикой мяты.

— Пей до дна, старлей. Командовать будешь, когда отогреешься.

Он обхватил мои пальцы своими ледяными руками, делая жадные глотки. На секунду наши взгляды встретились в упор — в его темных глазах плеснула такая горячая, благодарная нежность, что у меня перехватило дыхание.

Отогревшись за несколько минут, Виктор притянул со своего катера тяжелый стальной такелажный трос. Мои озябшие пальцы соскользнули с замка кованого карабина, пытаясь завести петлю за перо руля. Виктор подошел сзади, обнял мои ладони своими горячими руками и единым уверенным щелчком защелкнул фиксатор. Мы действовали слаженно, как единый механизм, понимая движения друг друга без слов.

На катере Виктор нажал тумблер лебедки. Раздался лишь сухой щелчок реле — барабан не тронулся с места. Буров быстро сдернул крышку клеммной коробки, нашел окислившийся медный контакт и в три движения зачистил его острием ножа. Дизель катера отозвался басовитым урчанием, барабан натужно провернулся: лебедка ожила.

Трос натянулся струной. И в этот миг из открытого люка трюма донесся дребезжащий металлический стук: вспомогательный генератор расстоечного шкафа захлебнулся черным дымом и смолк!

— Господи, тесто! — ахнула я. — Оно остынет, и хлеб погибнет!

Виктор отключил лебедку и закрепил трос. Мы кубарем скатились по трапу в камбуз.

* * *

В машинном отсеке камбуза стояла тревожная тишина, нарушаемая лишь шипением остывающей водяной рубашки. Датчик температуры расстоечного шкафа неумолимо полз вниз. Холод задерживал расстойку, а времени у нас и без того оставалось в обрез. Я схватилась за рычаг подкачки топлива, но шток намертво заклинило нагаром.

— Отойди, хозяйка, — Буров решительно отстранил меня за плечи, расчехляя брезентовую скатку с накидными ключами.

Его руки двигались с поразительной армейской точностью. За минуту он свинтил закоксованную топливную форсунку, продул жиклер баллоном со сжатым воздухом, вернул узел на шпильки и с яростным богатырским выдохом рванул пусковой шнур стартера. Дизель кашлянул сизым дымом и ровно, басовито заурчал. Тепло пошло в контур.

Я облегченно выдохнула и метнулась к электрическому тестомесу, нажимая пусковую клавишу. Раздался резкий скрежет шестерен, вспыхнул сноп искр, и редуктор намертво заклинило. Автоматика сгорела окончательно.

Я опустила на деревянный рундук, чувствуя, как подступают слезы:

— Все... Руками центнер теста не поднять. Мы сорвали рейс. Васильки останутся без хлеба...

Виктор окинул взглядом камбуз и вдруг шагнул к дальней переборке, где стояла полувековая дубовая дежа моего деда — гигантское корыто из мореного дуба на четырех кованых ножках.

— Это дежа твоего деда? — спросил он.

— Его... — всхлипнула я. — Он в ней для всей артели месил. Но туда надо полтора центнера муки и воды. Одной мне веселкой и за три часа не провернуть...

— А кто сказал, что ты одна? — Буров скинул форменную рубашку, оставшись в темно-синей майке, обнажившей литые мускулистые плечи со старыми боевыми шрамами. — Сыпь муку, Оля. Воду, соль, закваску. Будем месить дедовским способом.

Я засыпала в дежу ржаную муку с пшеничной, вылила теплую воду с солью и хмелевую закваску. Взяла тяжелую дубовую веселку, попыталась провернуть массу — густое, плотное ржаное тесто встало колом. Запястья пронзило острой болью, дыхание сбилось.

В этот миг Виктор подошел сзади вплотную. Его могучая грудь коснулась моей спины; обжигающее тепло его тела мгновенно передалось мне сквозь тонкую ситцевую блузку. Он опустил свои широкие, мозолистые ладони поверх моих пальцев на рукояти веселки.

— Вместе, Оля. Раз-два, пошла волна...

Его дыхание касалось моего виска, опалая кожу. В едином ритме, под напором его несокрушимой силы, неподатливая масса теста начала подаваться, выворачиваясь со дна дежи, наливаясь воздухом, приобретая шелковистую упругость. Мы двигались в такт, словно танце-

вали древний священный танец хлеба и жизни. Мое сердце колотилось где-то у горла от пьянящей, чистой близости.

Спустя сорок минут вымешанное до зеркального блеска тесто пышным комом лежало в деже. Я с трудом перевела дух, раскладывая порции по формам и отправляя их в прогретый шкаф.

Щеки мои пылали румянцем. Я смущенно опустила глаза, вытирая фартуком мокрый лоб. Виктор тепло улыбнулся, шагнул ближе и подушечкой большого пальца бережно, невестомо стер белое пятнышко муки с самого кончика моего носа.

— Ты настоящая волшебница, Оля, — негромко сказал он. От его голоса сладко защемило в груди.

С палубы донесся гул натянутого лебедочного троса. Виктор накинул куртку:

— Хлеб дышит и подходит. Пойдем вернем твоему кораблю способность ходить по воде.

* * *

Мы спустились на влажный песок косы под кормовой подзор баржи. Мы принесли из ремнабора «Амура» запасной лом и кувалду, положив инструменты у воды. Виктор выволок из прибрежного тальника массивное мореное бревно-топляк, чтобы подложить его под перо руля как упорную наковальню. Внезапный прибрежный бурун ударил в отмель, бревно повело, и оно едва не подмяло ноги Виктору.

Я среагировала мгновенно: подскочила, с размаху вогнала жало полутораметрового стального лома в каменистую гряду под песчаным наносом, намертво заклинив его между донными валунами, и навалилась всем телом, создав несокрушимый упор в миллиметрах от его ступни.

— Держу, Виктор! Заводи трос!

Буров взглянул на меня с восхищением, быстро закинул петлю троса за край пера и выскочил на катер:

— Оля, вставай на пульт лебедки! Жми реверс, выбирай слабину по сантиметру! Как махну рукой — стоп!

Я встала к пульту «Амура». Пальцы легли на рычаг. Трос натянулся, зазвенел басовой струной, поднимая тонны речной взвеси со дна. Я ювелирно дозировала тягу, чувствуя натяжение металла буквально кончиками пальцев.

Трос дрожал, перо руля стонало, но толстый лист стали не выпрямлялся. Усилия лебедки не хватало.

Тогда Виктор спрыгнул по пояс в воду, поднял со дна тяжелую шестнадцатикилограммовую кузнечную кувалду, перехватил ее обеими руками и с яростным выдохом обрушил сокрушительный удар прямо в место излома!

Звонкий кузнечный набат раскатился над тихой волжской заводью, спугнув стаю цапель. Сталь подалась! Второй удар, третий — и перо руля с гулким щелчком встало в идеальную соосность с баллером!

От сильнейшей вибрации сорвало и срезало стопорный шплинт — перо качнулось, готовое соскользнуть в пучину. Буров голыми руками ухватил мокрую изогнутую сталь, удерживая ее против течения, а я, спрыгнув с борта, вставила запасной кованый шплинт из ремнабора прямо в проушину и загнула усики клещами.

Я избежала на корму «Ласточки» и положила руку на штурвальный румпель. Рычаг плавно, мягко и свободно пошел от борта до борта, словно по маслу. Руль был полностью жив! Мы завели найденный линь от штурвала к румпелю, натянули его и еще раз проверили весь ход. Теперь я могла управлять «Ласточкой» из рубки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.